

Чэнь Чжунши «Равнина белого оленя» (отрывок)

Едва Лу Цзылинь оказался на посту деревенского старосты, как сразу же обнаружил незаурядные организаторские способности и талант к управлению. На те крайне скромные средства, которые ему вверили в хозяйстве Байлуцан, он купил в деревне Байлучжэнь участок одного обедневшего семейства. Дом на участке успел обветшать, а воздух во дворе заплыл кислым смрадом, Лу Цзылинь же нанял плотника по фамилии Вэй, распределил разнорабочих по десяти подчиненным поселкам и отстроил заново три больших комнаты и два флигеля в доме. Покосившуюся арку ворот, выходящую на улицу, полностью снесли, а на ее месте возвели два прочных квадратных столба из голубого кирпича – все швы замазали белым известняком, а после приладили створки громадной двери, окрашенной в черный цвет. На правой створке поместилась белая табличка с черными иероглифами: «Первая укрепленная деревня складского хозяйства Байлуцан уезда Цзышуйсянь». Долгие годы лежавший в руинах дворик жилого дома преобразился до неузнаваемости – а в хмурой и дряхлой деревне Байлучжэнь незамедлительно обнаружился род поразительных личностей.

Все органы власти, которые существовали при императоре, начисто упразднили, а вместо председателя уездной управы назначили начальника уезда. Уезд стал делиться на складские хозяйства, хозяйства – на укрепленные деревни; чиновников в хозяйствах теперь называли их главами, в деревнях же появились деревенские старосты. Хозяйство Байлуцан прежде было складом цинского двора, выстроенным на равнине Байлу [Белого оленя. – *кит.*]. Широкая равнина в трех ли к западу от поселка в благополучные годы служила местом хранения зерна, а в засушливые времена спасала в нем нуждавшихся; всем здесь заправлял один человек – он собирал зерно в урожайные годы, выдавал зерно голодавшим в неурожайные, и этим ограничивались его обязанности. Но теперь хозяйство Байлуцан стало органом революционной власти – с прежним положением и не сравнишь.

Новоявленные же укрепленные деревни стали, прежде всего, низшей ступенью администрации, и в их ведении было около десяти разношерстных селений.

Когда глава хозяйства Байлуцан Тянь Фусянь предложил ему должность старосты первой укрепленной деревни, Лу Цзылинь отнесся к топорным новым названиям «укрепленная деревня» и «деревенский староста» с недоверием – не спешил согласиться и увиливал от ответа под предлогом, что у него свои посевы и, зная, нет времени на управление деревней. Однако, пройдя обучение в уездном управлении, он вернулся с совсем иным отношением к Тянь Фусяню: сильно заужавал главу хозяйства и был ему до гроба благодарен.

Лу Цзылинь в уездном управлении полмесяца готовился к вступлению на должность. За день до окончания обучения начальник уезда Ши Вэйхуа вновь прибыл в управление, чтобы раздать указания и выдать каждому комплект темно-зеленой униформы. Одетые в однообразную и одноцветную одежду главы и старосты сделали памятное фото с начальником Ши – вот уж точно никогда прежде в уезде Цзышуйсянь не делали столь исторических фотографий. Лу Цзылинь сменил свой длинный халат и куртку на новую форму, взглянул на себя в большое зеркало – и опешил, будто сам себя не узнал. Простояв так некоторое время, он все же убедился, что человек в хлопчатобумажной темно-зеленой форме – все тот же Лу Цзылинь, который носил халат и куртку: вытянутое лицо, высокий лоб, глубоко посаженные глаза, длинные ресницы, абсолютно прямой нос, изящные уголки рта – однако этот Ли Цзылинь выглядит куда бодрее.

Однажды после полудня два его сына – они учились в школе Байлу под руководством господина Чжу – прибежали в уездное управление навестить отца и, увидев его униформу, тотчас замерли в изумлении и не могли отвести глаз. Лу Цзылинь крепко обнял сыновей и с хохотом сообщил: «Теперь папка революционер!» Старший сын – его звали Чжаопэн – спросил: «Пап! Если ты теперь революционер, зачем нам учить древние тексты? Я хочу поехать

учиться в новую городскую школу. Государственные экзамены давным-давно отменили, от старых книг уже нет никакой пользы». Младший сын Чжаохай поддакнул брату: «Жуть сколько ученых уехало в город, все теперь учатся в новой школе. Мы с братом вместе поедem». Лу Цзылинь радостно ответил: «Поезжайте! Вместе поезжайте! Начальник Ши говорил, что и в нашем уезде скоро откроется новая школа!»

Знакомые с трудом узнавали на улице Лу Цзылиня, возвращавшегося в сумерках в деревню, – нового деревенского старосту это нисколько не удивляло, и он с безразличным видом отвечал на их расспросы: «Учился в уездном управлении. Уже закончил. 15 дней пробыл. Эта одежда... то есть, униформа!..» Когда он зашел во двор дома, его жена несла грязную воду в хлев – увидев мужа, она от удивления вскинула руками и опрокинула таз. Лу Цзылинь зашел в хозяйское помещение и справился о здоровье отца. Старик Тайхэн, хлопая глазами, очень долго осматривал его с ног до головы, затем спросил в недоумении: «Где ж твоя коса?» Лу Цзылинь отчеканил заранее подготовленный ответ: «Все, кто учился в управлении, все до единого обрезали. Укрепленная деревня – новый орган революционного правительства, как же можно оставлять цинскую косу?» Старик не произнес больше ни слова.